

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ЕВГЕНИЙ НОВИЦКИЙ

Смертельный
ДУБЛЬ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н73

Художник – *А. Дурасов*

Новицкий, Евгений Игоревич.

Н73 **Смертельный дубль / Евгений Новицкий. —**
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-171400-0

Семидесятые годы. В одном из павильонов столичной киностудии покончил с собой актер Топорков. Майор Жаверов, ведущий дело, приходит к выводу, что смерть Топоркова — обычный суицид, вызванный депрессией актера от невостребованности. Шок от трагедии начинает понемногу проходить, как вдруг в том же павильоне происходит жестокое убийство известного режиссера. При этом случайный свидетель утверждает, что видел на месте преступления... недавно умершего Топоркова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Новицкий Е.И., 2021
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-171400-0

1

28 декабря в 9 часов утра пришедшие в четвертый павильон «Мосфильма» люди обнаружили человека, висящего на одном из выключенных осветительных приборов.

Он был одет в белую рубашку с жабо и огромными пуговицами, широкие белые панталоны и белые туфли. На голове — плотно облегающая черная шапочка, лицо размалевано белым и черным гримом. Шею обвивала веревка, конец которой был привязан к горизонтальному выступу высокого штатива.

— Ой, что это? — воскликнула артистка Барабанова.

— Вчера здесь этого не было, — заметил артист Дмитриев.

— Это Пьеро, — глубокомысленно произнес оператор Дятлов.

— А ведь и верно! — наперебой заговорили все. — Пьеро! Кто же это нарядился в Пьеро?

— Так это ж Петька Топорков! — опознал фигуру артист Парфенов.

— Кто-кто? Топорков? Какой Топорков? — выражали дружное недоумение окружающие.

— Актер, — сказал Парфенов. — Мы с ним снимались в детском фильме про Буратино. Я играл столяра Джузеппе, а он — этого самого Пьеро.

Все еще ближе обступили висевшего, хотя фамилия Топорков никому ничего не говорило.

— Товарищи! Товарищи! — громогласно обратился ко всем Дмитриев. — Боюсь, наш коллега Топорков покончил с собой. Если только это не розыгрыш. Но на розыгрыш не похоже. А значит — надо звать на помощь. Куда там звонят в таких случаях — в милицию или в «Скорую»?

— В ноль—один, — пошутил кто-то из массовки.

— Товарищи, это не повод для шуток, — укоризненно произнес Дмитриев. — Произошло несчастье. Это страшно на самом деле. Неужели вы не понимаете, что это страшно?

Никто не отвечал, хотя почти каждый мог сказать, что карнавальный костюм Пьеро не слишком вяжется с несчастьем, и потому присутствующим пока еще трудно в полной мере осознать, что именно произошло.

Однако кто-то все-таки побежал к телефону и вызвал милицию и «Скорую».

Режиссер Цветков ходил мрачный, хмурился и ни с кем не разговаривал: он и так выбивался из графика, а тут еще этот проклятый самоубийца... Ох уж эти артисты — из всего готовы сделать представление, даже из собственной смерти. Ну, это же абсолютная безвкусица — умереть в костюме Пьеро! Неужели никто вокруг этого не понимает?..

Милиционеры и врачи приехали одновременно. Врач сразу констатировал смерть, а милиционер — майор Жаверов — стал опрашивать свидетелей. Поскольку единственным человеком, опознавшим повесившегося, был Парфенов, с особым пристрастием майор расспрашивал именно его.

— Нет, точно, Петька, — кивал Парфенов. — Я его и в гриме узнаю. В гриме мне даже легче — я его в этом образе чаще всего видел.

— А без грима вы его видели? — спросил Жаверов.

— Приходилось.

— Значит, сможете узнать его?

— Смогу, — без сомнений отвечал Парфенов.

Жаверов попросил медсестру убрать с лица покойного грим, затем вместе с Парфеновым подошел к телу.

— Петька, — сразу же махнул рукой артист. — Сразу видно — Петька Топорков, никто другой.

Тело вновь окружили любопытные киношники. Все притихли и словно зачарованные около минуты смотрели на русоволосую голову и не лишенное приятных черт лицо молодого еще человека, выбравшего себе такую странную смерть.

Через час тело увезли. Но в рабочее состояние, к негоднованию Цветкова, никто на площадке уже не способен был войти до самого вечера.

2

Слухи распространялись быстро. Уже к вечеру о самоубийце знал весь «Мосфильм», и при этом почти каждый недоуменно восклицал:

— Топорков? Что это за актер такой — Топорков? Первый раз слышу...

Однако на следующий день киношники вернулись в привычное съемочное русло, всех вновь поглотила творческая рутина, и о самоубийце уже почти никто не вспоминал. Если бы еще известный актер повесился, а то ведь какой-то непонятный Топорков...

Ну а уж в новогоднюю ночь о Топоркове не подумала и тем более ничего не сказала, кажется, ни одна живая душа. В Доме кино закатили традиционный бал, творческие работники веселились до упаду. И если о чем и говорили с огорчением, так только о том, что на Новый год, в отличие от Первомая, дается всего один выходной...

Но в первый же рабочий день нового года о Топоркове заговорили снова. Причиной тому послужили сразу два жутких случая.

Первый случай произошел рано утром в пресловутом четвертом павильоне. За полчаса до начала съемочного дня туда пришла артистка Рычагова, желая в одиночестве порепетировать свою сегодняшнюю сцену.

Рычагова зажгла лампу, чтобы не находиться в темноте, и стала громко декламировать текст своей роли.

Вдруг за ее спиной что-то зазвенело. Рычагова оглянулась — и завизжала. В нескольких метрах от нее стоял высокий человек в костюме Пьеро. Услышав визг, он проворно скрылся в декорациях, но этого Рычагова уже не успела увидеть, поскольку пулей выскочила из павильона.

К девяти часам стали подходить остальные члены съемочной группы. Белая как смерть Рычагова путано рассказывала им о том, что видела.

Режиссер Косарев (группа режиссера Цветкова к этому времени выехала на зимнюю натуру) выслушал рассказ актрисы, недоверчиво хмыкнул и первым вошел в роковой павильон. Все последовали за ним и без лишних слов дружно принялись обшаривать каждый угол. Через несколько минут ни у кого не осталось сомнений: кроме самой группы в павильоне никого нет.

— Ну вот, видите, — дружелюбно сказал Косарев Рычаговой. — Вам померещилось. Вы женщина, актриса, впечатлительная натура... С вашим братом такое случается.

— У меня нет брата, — без юмора ответила Рычагова. И принялась по двадцать пятому разу пересказывать свое видение.

— Ну хватит! — уже раздраженно оборвал ее Косарев. — Давайте работать.

Однако от Рычаговой толку в этот день все равно не было, так что пришлось снимать сцены без ее участия.

Второй аналогичный случай произошел во время обеденного перерыва, причем совсем в другом павильоне — в третьем.

Художник по костюмам Рахлина зашла в еще пустующие декорации с горой платьев и стала их развешивать. Вскоре сюда должна была прийти съемочная группа, работающая во вторую смену, актерам надлежало сразу переодеться.

Увлеченная своим делом, Рахлина краем уха слышала неподалеку от себя какой-то шум, но не придала этому значения. Решив, что это какая-нибудь кошка, а может, и мышь, Рахлина продолжила развешивать костюмы.

Вдруг в одном из зеркал, которых в здешних декорациях было несколько, что-то привлекло внимание художницы. Ей показалось, что она увидела чью-то ногу в широкой белой штанине и белой туфле. Владелец ноги вроде бы прошел сзади художницы и спрятался за плотную занавеску.

Рахлина обернулась. Она была не такой пугливой, как артистка Рычагова, поэтому рискнула подойти к занавеске, за которой скрылись нога и ее владелец.

Отдернув занавеску, Рахлина вытаращила глаза, зажала рот рукой и рухнула на пол, не выпуская из рук грудь платьев.

Какое-то время Рахлина сидела на полу и в ужасе смотрела на возвышающегося над ней человека в нелепом белом костюме и черно-белом гриме на лице. В конце концов художница потеряла сознание.

3

В третьем павильоне тоже не нашли никого постороннего. Многие, особенно женщины, были очень напуганы этими двумя случаями. Актрисы даже стали говорить, что теперь ни на минуту не останутся одни — ни в павильонах, ни в коридорах громоздкого «Мосфильма». Пошли разговоры о том, что вообще-то этот самый «Мосфильм» — весьма жуткое место, и странно, что раньше на это никто не обращал внимания...

Мужчины проявляли большой скепсис относительно всех этих страхов. То, что оба раза загадочную фигуру в белом наблюдали именно дамы, заставляло некоторых мужчин усмехаться и даже предрекать эпидемию подобных галлюцинаций.

— Вот увидите, — говорили такие скептики, — теперь это самое привидение каждый день кто-нибудь будет видеть...

Предсказание сбылось: пусть не ежедневно, но время от времени человека (или призрак) в костюме Пьеро видели в том или ином павильоне, среди тех или иных декораций. Действительно, поначалу его замечали только женщины, но вскоре рассказы о явлении при-

зрака стали исходить и из мужских уст. Один раз при-
видение увидел осветитель, а через несколько дней —
местный монтер.

— Обратите внимание, — говорили на это скеп-
тики, — за женщинами потянулись не кто-нибудь,
а именно представители гегемона. Класс, который вы-
пить не дурак, по слову поэта... Так что вся эта чертов-
щина по-прежнему вилами на воде писана!

Но вскоре и скептикам не нашлось что возразить,
поскольку впервые произошло групповое наблюдение
призрака.

Несколько человек — актеры, актрисы, оператор,
режиссер — пришли в первый павильон после обеден-
ного перерыва. Стали устанавливать свет. Оператор
включил камеру, режиссер сел в кресло...

Вдруг артист Иванов побледнел и показал пальцем
за спины режиссера и оператора.

— С-смотрите...

Все обернулись — и замерли. Трудно было поверить
своим глазам. Высокая фигура в набившем оскомину
костюме Пьеро поспешно двигалась по направлению
к двери. Через две секунды фигура исчезла.

Никто не знал, что и сказать, все только перегляды-
вались с открытыми ртами.

— Тьфу ты! — наконец прервал молчание оператор
Крайненков. Все взоры повернулись к нему. — Надо
было хватать его! — с досадой воскликнул оператор. —
Да я сам хорош! — махнул он рукой. — Не сразу сооб-
разил... Теперь уже не догонишь...

Заинтригованная артистка Волошина приблизилась
к Крайненкову:

— А вы думаете, его можно было схватить?

— Ну а почему нельзя? — хмыкнул оператор и снисходительно посмотрел на актрису. — Вы что, правда думаете, что это призрак?

— Я... не знаю, — пролепетала Волошина.

— А я знаю, — отрезал Крайненков. — Человек это был. Обычный человек в идиотском костюмчике.

Окружающие с интересом слушали эту дискуссию, и никто не встревал.

— Э-э, ладно, — спохватился наконец режиссер Бондарев. — Призрак это был или не призрак, а нам надо снимать кино.

Не сразу и с неохотой члены съемочной группы подчинились. Слова Крайненкова глубоко запали всем в душу, каждый втайне жалел, что им не удалось разоблачить призрака, хотя была хорошая возможность сделать это.

Впрочем, иные женщины, включая актрису Волошину, были скорее рады, что за призраком никто не погнался. А если бы такой погнавшийся, например, прошел сквозь этот призрак? Да после такого даже среди ста человек в этом павильоне невозможно было бы находиться...

А с другой стороны, женщинам было приятно, что тайна оказалась сохранена. По-прежнему неизвестно, призрак это или не призрак... Так что можно продолжать приходить на работу с замиранием сердца и каждый день ждать, что вот сегодня уж точно тайна будет раскрыта или хотя бы приоткрыта. Это очень интригует и бодрит — такое ожидание.

4

После происшествия в первом павильоне призрак как будто затаился. Несколько дней его никто не наблюдал, хотя многие смельчаки стали даже специально

его подкарауливать, нарочно оставаясь в павильонах, когда все уходило на обед или домой. Но тщетно — теперь привидение проявляло осторожность.

Слава же о нем гудела уже по всему «Мосфильму» — с утра до вечера. Внезапно для всех стал желанным собеседником обычно хмурый и неприветливый артист Парфенов. Впрочем, почувствовав искренний интерес коллег к своей персоне, Парфенов расцвел и не уставал рассказывать каждому желающему все, что знал о Топоркове.

Этих сведений, однако, было совсем немного. Парфенов не знал, ни где учился Топорков, и вообще учился ли он на артиста, ни где и с кем жил, не знал про его друзей и возлюбленных, если таковые были.

Парфенов помнил только, что Топорков был перманентно печальным, меланхоличным человеком, так что роли Пьеро он соответствовал на все сто. Каких-либо других ролей в кино он сыграть не успел. Парфенов разговаривал с Топорковым только один раз. Весь этот разговор был посвящен топорковским жалобам на отсутствие кинематографической работы и парфеновским, обычным в таких случаях, утешениям в духе: «Не дрейфь, Петя, ты еще молодой — свое наверстаешь».

Парфенов привел Топоркову в пример свою судьбу: сам он получил первую роль в кино, когда ему было уже за тридцать. Но и после этого его не снимали еще десять лет. Лишь ближе к пятидесяти Парфенова по-настоящему заметили и оценили по достоинству — он стал нарасхват.

Краткая парфеновская автобиография, однако, несколько не впечатлила Топоркова — тот отошел от старшего коллеги с поникшей головой и бессильно болтающимися руками.

Что касается самого фильма, в котором они вместе снимались, то это была крайне дешевая и халтурная постановка для телевидения под названием «Буратино». Ставил ее какой-то телевизионный бездарь, фамилии которого Парфенов даже не запомнил. Все известные актеры брезгливо отказались от участия в подобной мазне, так что роли в ней исполняли сплошь артисты второстепенные и посредственные, не считая, конечно, Парфенова. Последний, по его словам, согласился из сентиментальных чувств — в свое время актеру очень понравилась довоенная еще картина «Золотой ключик» по той же самой книжке писателя Толстого. В роли Дуремара там блистал всегда импонировавший Парфенову артист Мартинсон. Вот поэтому Парфенов и согласился на крохотную рольку столяра Джузеппе в заведомо дрянном телеспектакле «Буратино».

На этом набор сведений и воспоминаний Парфенова о Топоркове и их совместной работе, в принципе, исчерпывался. Выслушав все это от артиста, любопытный уходил с нескрываемым разочарованием. Почувствовав это, Парфенов со временем стал раскрашивать свои воспоминания новыми подробностями.

Так, Парфенов стал припоминать, что Топорков пару раз заговаривал при нем о самоубийстве, о том, что он хотел бы умереть в костюме Пьеро, и даже о том, что желал бы навсегда остаться на «Мосфильме» в качестве призрака.

Эти факты были уже очень поразительны — каждый, кто их слышал, оставался не на шутку напуган и ошарашен (в душе, впрочем, не веря ни единому слову свидетеля). Парфенов был доволен производимым эффек-

том — жуткие воспоминания о Топоркове теперь стали его коронным закулисным номером.

Энтузиасты же всюду пытались отыскать и иных свидетелей существования артиста Топоркова. Ибо нашлись скептики, которые отрицали уже и само его существование, провозглашали всю эту историю «мосфильмовской легендой», пущенной в обиход каким-то весельчаком, может быть, тем же Парфеновым. Такие скептики отказывались верить даже многочисленным свидетелям, обнаружившим труп Топоркова в конце прошлого года. В самом факте того, что самоубийство произошло под Новый год, недоверчивые люди видели признак мистификации и розыгрыша.

Временное исчезновение призрака как будто подтверждало их правоту, так что даже некоторыми из той самой съемочной группы, которая обнаружила тело Топоркова, овладели сомнения. Действительно ли это случилось? Не приснилось ли, не привиделось ли по пьяному делу? А если висевшая на штативе фигура и впрямь была, то не являлась ли она манекеном? В конце концов, дело произошло на «Мосфильме» — советской фабрике грез. Здесь ежедневно прикладывается миллион усилий, чтобы как можно убедительнее обмануть и заморочить зрителя. Так не является ли и вся эта история с призрачным Топорковым тщательным и убедительным розыгрышем, устроенным своими для своих?..

5

Тем временем изыскания добровольных энтузиастов увенчались успехом. Было доподлинно выяснено, что артист Топорков действительно существовал и точно

был профессиональным артистом. Он окончил актерский факультет ВГИКа, однако ни во время учебы, ни после никак себя не проявил. Однокурсники вспоминали о нем как о замкнутом, молчаливом человеке, вечно погруженном в себя. Однокашники шутили, что, если бы Топоркову время от времени не приходилось выступать на вгиковской сцене, они бы решили, что он лишен дара речи в принципе.

Актером, по словам все тех же однокурсников, Топорков был из рук вон плохим — так что можно было только диву даваться, как ему вообще удалось окончить институт.

Впрочем, упорства Топоркову было не занимать — и во время учебы, и особенно после он неустанно штурмовал «Мосфильм», пытаясь выцарапать для себя хоть какую-нибудь рольку. Однако режиссеры, которым Топорков навязывал себя на пробы, приходили в ужас от его бездарности и с обычными в таких случаях словами «мы вам позвоним» спешили от него избавиться.

Нельзя сказать, чтобы всем однокурсникам Топоркова попадание на экран давалось легче, но они в массе своей относились к этому философски: не роптали и преспокойно играли в Театре-студии киноактера — традиционном пристанище вгиковских выпускников, всегда готовом приютить блудного лицедея, не сумевшего преуспеть на ниве кинематографии.

Но Топорков был буквально одержим намерением работать именно экранным, а не сценическим артистом, поэтому ни разу не сделал даже попытку пристроиться хоть в какой-нибудь театр. Не ясно, на что он жил (вероятно, где-то подрабатывал не по профессии), у тех, кто его знал, складывалось впечатление, что Топорков целыми днями околачивается на «Мосфильме» и участвует в безнадежных для себя кинопробах.

Искатели истины о Топоркове вопрошали у знавших его: если он и впрямь являлся таким бездарем, почему режиссеры продолжали его пробовать?

На это у свидетелей был элементарный ответ: над Топорковым просто потешались! После вереницы бесчисленных проб мосфильмовский режиссер запоминал этого бедолагу, и многие из постановщиков стали находить извращенное удовольствие в том, чтобы непременно занимать Топоркова в кинопробах на каждую новую картину, втайне глумясь над ним, а потом с хохотом рассказывая коллегам об очередной неудачной попытке горе-актера.

В результате Топорков приобрел в мосфильмовских кулуарах позорную славу самого худшего артиста в истории мироздания (или по меньшей мере в истории советского кино). Актер стал ходячим символом предельной деревянности, невероятной фальшивости, ужасающей некиногеничности...

Топорков, несомненно, понимал, как его воспринимают, и кто знает, может, он в конце концов поменял бы профессию, если бы только не получил свою первую экранную роль (которой суждено было стать и последней).

Дело обстояло просто. Неопытный режиссер с телевидения (его фамилии решительно никто не мог вспомнить) пришел на «Мосфильм», намереваясь снять телекартину «Буратино» (естественно, по заказу Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию). Режиссер очень спешил и набрал в свою группу тех, кто первыми попался под руку. Среди этих «попавшихся» закономерным образом оказался и вездесущий Топорков.

«Буратино» абсолютно ничего не принес ни Топоркову, ни всем остальным участникам постановки.

Она оказалась настолько беспомощной, что ее даже не стали пускать в эфир, а вскоре, кажется, и вовсе смыли. Так единожды зафиксированный на пленке Топорков по воле судьбы не остался даже в гостелерадиоархиве.

Но, на взгляд Топоркова, это было удачей. Получив роль, актер с новыми силами принялся осаждать мосфильмовские съемочные площадки.

Вскоре режиссерам прискучило забавляться над ним, так что Топоркову все чаще стали отказывать даже в участии в пробах. Порой ему отказывали в грубой форме. А пару раз его даже вытолкали с площадки в шею.

После череды таких унижений Топоркову не оставалось ничего другого, кроме как повеситься, со вздохом заключали свидетели его печальной актерской судьбы. А затем добавляли с горькой усмешкой, дескать, режиссеры-то наши помалкивают сейчас об этом — совесть, видно, мучает. Как говорится, знает кошка, чье мясо съела. Ведь именно эти наши гордецы и снобы довели Топоркова до петли. Своими насмешками, издевательствами, своим непомерным презрением к современному маленькому человеку... А теперь, глядите, дураками прикидываются, руками разводят: мол, что за Топорков такой? Первый раз слышим...

6

Что касается четвертого павильона, в котором Топорков повесился, то данное место было выбрано самоубийцей не случайно. Именно в павильоне № 4 был в свое время снят злополучный «Буратино», так что ежели Топорков и придавал такое значение атрибутам

своей смерти, то ясно, что никакого другого помещения для нее он и не мог избрать.

В январе четвертый павильон успел несколько раз перейти из рук в руки, пока в нем наконец надолго не обосновался режиссер Баклажанов. Впрочем, и ему все-таки не пришлось задержаться там надолго...

В один из вечеров Баклажанов остался в пресловутом павильоне после съемочной смены. По ее окончании все остальные члены группы испарились в одно мгновение, а Баклажанов решил на месте сделать некоторые исправления в сценарии, покуда не забылось, что именно надлежит исправить. Так он поступал частенько — во время работы с актерами над каждой новой сценой режиссер почти всегда находил что-то, что его не устраивало, однако не всегда была возможность исправлять ее немедленно. Баклажанов занимался этим вечерами — и все, кто с ним работал, знали за ним такую особенность.

Баклажанов был серьезный человек — всякие слухи о призраке просто-напросто пропускал мимо ушей. У него и мысли не могло возникнуть, что его привычное вечернее одиночество в павильоне может кто-то потревожить. Но в этот вечер режиссер, вероятно, очень пожалел о такой своей самонадеянности...

В тот вечер Баклажанов, как обычно, сидел среди софитов, сильно сгорбившись над небольшим столиком, на котором были разложены листы сценария. Режиссер внимательно читал смутившие его места, перемарывал, возвращался к ним и перемарывал заново...

Увлеченный работой, он не сразу заметил, что кто-то пожаловал в павильон. Лишь когда до его сознания дошло, что сзади приближаются чьи-то шаги, Баклажанов обернулся.

И тут режиссер раскрыл рот от удивления и даже привстал. К нему подходил высокий человек, одетый в старое широкое длиннополое пальто, какое носили лет сто назад. На голову человека был нахлобучен цилиндр.

«Актер, — сразу сообразил Баклажанов. — Но с каких же это съемок? Что у нас сейчас такого снимают исторического?..»

Между тем человек, безумными глазами глядя прямо в лицо Баклажанову, внезапно стал декламировать:

— Здравствуйте, Алена Ивановна... Я вам вещь принес, да вот лучше пойдете сюда, к свету...

Баклажанову вдруг стало нехорошо — он резко отшатнулся от незваного гостя, как от прокаженного.

— Что вы несете? — заговорил режиссер. Звук собственного голоса придал ему уверенности — Баклажанову показалось, что он сейчас возьмет себя в руки и обретет привычный ему контроль над ситуацией. — Какая еще Алена Ивановна? Вы пьяны, молодой человек! — триумфально заключил Баклажанов, словно ожидая, что молодой человек тотчас устыдится своего поведения и убежит прочь.

Вместо этого молодой человек продолжил медленно и угрожающе надвигаться на режиссера и одновременно с этим произносить дальше свою бессвязную речь:

— Помилуйте, Алена Ивановна, знакомый ваш, Раскольников, вот, заклад принес, что обещался намедни...

С этими словами молодой человек сунул руку за пазуху пальто, намереваясь что-то вытащить.

— Погодите! Погодите! — вскричал ошарашенный Баклажанов. — Я вас узнал! Да! Да! Вы актер! Пробова-